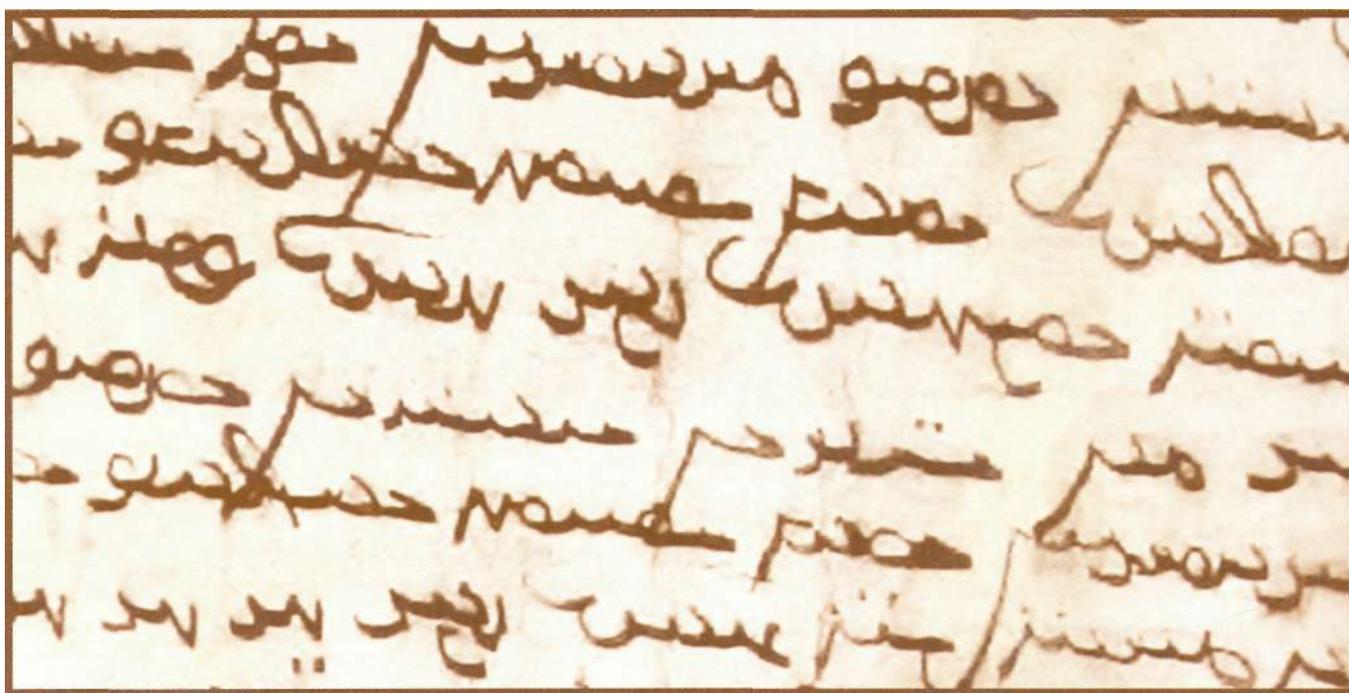

ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЕДИНСТВЕ И МНОГООБРАЗИИ

International Institute
for Central Asian Studies (IICAS)
under the auspices of UNESCO

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ЕДИНСТВЕ И МНОГООБРАЗИИ

Материалы Международной конференции
Самарканд, 7-8 сентября 2009 г.

Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии.
Материалы Международной конференции, Самарканд, 7-8 сентября 2009 г. — Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, SMI-ASIA, 20Ю. - 332 стр.

Редакционная коллегия:

Д. Алимова, Б. Аманбаева, К. Байпаков, Ш. Мустафаев (отв. редактор)
И. Тоган, Т. Ширинов, Ю. Якубов

В издании представлены материалы Международной научной конференции «Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии», которая была организована Международным Институтом Центральноазиатских исследований и Институтом истории Академии Наук Узбекистана при поддержке Посольства Франции в Республике Узбекистан.

Доклады отражают историю зарождения и развития культурного взаимодействия народов Центральной Азии, вопросы интеграции и взаимообогащения оседлого и кочевого населения во всем их многообразии и единстве

Авторы несут ответственность за выбор и представление фактов и мнений, содержащихся в этой книге и не выражающих идеи ЮНЕСКО. Обозначение и материалы, представленные в книге, не заключают в себе мнения ЮНЕСКО относительно легального статуса какой-либо страны, территории, города или зоны влияния, границ.

ISBN 978-9943-357-08-2 (IICAS)
ISBN 978-9943-17-026-1 (SMI-ASIA)

© Международный Институт Центральноазиатских исследований, 20Ю
© SMI-ASIA, 20Ю (дизайн и верстка)

Ш. Мухамедов
Узбекистан

ИСЛАМИЗАЦИЯ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ: КАЗАНЬ, УФА, ТУРКЕСТАН - ТРАНЗИТ

В начале XX века в казахской степи происходит ряд изменений, которые серьезно обеспокоили администрацию Туркестанского края. В 1913 году главный инспектор учебных заведений Туркестана в своем послании сообщает краевому начальству о том, что в село Джулек Перовского уезда на летние каникулы приезжают молодые татары — мударисы медресе «Галлие», находящегося в городе Уфе, и открывают летучие школы-юрты для местного киргизского (казахского — Ш. М.) населения: «Обучение в этих школах, открываемых без всякого разрешения, ведется по новому методу, но далеко не в интересах Русской государственности» [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. i]. Почему же так всполошились чины царской администрации? И какая политика проводилась среди кочевого населения Туркестанского края в религиозном отношении? Для того чтобы найти ответы на эти и другие интересующие нас вопросы, необходимо вернуться в прошлое.

После завоевания Средней Азии Российская Империя оказалась лицом к лицу с разными по уровню развития народами и племенами. Оседлое население исповедовало ислам уже на протяжении тысячелетия, а среди кочевого казахского и киргизского населения исламские традиции были не столь сильны [Пален, 1910. С. 5]. Российская администрация считала, что кочевое население Туркестана добровольно подчинилось русскому правлению, видя в нем защиту от хищнических набегов и притеснений соседних ханов. «В то же время южная часть Туркестана, густо заселенная оседлыми народами, обладавшими многовековой мусульманской, а потому враждебной христианству, культурой была подчинена Россией силою оружия». По отношению к кочевникам российское правительство придерживалось политики невмешательства в их внутренние дела [Пален, 1910. С. 1].

Тем не менее кочевая степь оказывается под многосторонним давлением различных идеологических и религиозных сил. И, конечно же, в первую очередь большее влияние оказывало на казахов исламское духовенство в лице ишанов и мулл из Бухары и Хивы, которые кроме идейных имели еще и материальные интересы среди кочевников. После колонизации в степи появляются и христианские миссионеры. Интересны воспоминания Ефрема Елисеева (крещеного татарина — Ш. М.), находившегося среди казахов в 1892-1899 годы: «В 1881 году, когда еще магометанство, как черная туча сплошь покрывало киргизскую степь, а выходцы из Казани татары, бухарские сарты, персиане и арабы, как хищные коршуны, терзали степных киргизов и злоупотребляли их религиозными чувствами, на далекой окраине русского государства, в соседней с Китаем Семипалатинской области, указом Святейшего синода, была открыта противомусульманская киргизская духовная миссия» [Записки..., 1900. С. 3] Местопребыванием первого киргизского миссионерского центра были сначала города Усть-Каменогорск и Семипалатинск, а с 1884 г. — поселок Буконский затем село Преображенское. Первым миссионером киргизской миссии был о. Филарет

Алексеевич Синьковский, ставший позже преосвященным Владимиром, епископом Владикавказским и Маздокским [Записки..., 1900. С. 31-

Автор рассказывает о своей миссионерской работе среди казахов. Владение местным языком и знание Корана помогают ему общаться с кочевниками, доказывать «превосходство» христианства. В религиозных спорах о. Ефрем часто оказывается на высоте, так как мусульманские священники, вызубрив основные аяты и суры из Священного писания, не понимают их смысл. [Записки..., 1900. С. ю]. Однако и экономическое положение кочевника-казаха располагает к тому, чтобы он стал верующим и нашел убежище в религии, из-за непредсказуемых условий кочевой жизни казах беднеет в самое короткое время. По наблюдению автора, «...почти каждый из них жалуется на то, что год, два — три тому назад имел несколько сот баранов, верблюдов и т.д., а потом неожиданно — нежданно, из-за засухи, сделался самым бедным джатаком» (бедняком — Ш. М.) [Записки..., 1900. С. 12].

Однако даже будучи талантливым миссионером о. Ефрем не смог достичь хороших результатов и его паства увеличилась незначительно. Автор называет главную причину неудачи своей семилетней миссионерской деятельности среди казахов. Он считает, что сама мусульманская религия так естественна и сродни кочевому киргизу. «По своим умственным и моральным качествам Магомет представляется идеалом для простого кочевника. Его личность и вероучение потому и обаятельны для киргиза, что каждый киргиз видит в них свои свойства или недостатки, освещаемые Кораном» [Записки..., 1900. С. 151]. Это смелое признание православного миссионера дает нам ответ на вопрос, почему казахи-степняки не переходят в христианство и другие религиозные конфессии, предпочитая им ислам.

Российская администрация Туркестанского края также имела свои виды на кочевников-казахов. Именно с казахов начинает проводить свою русификаторскую политику первый Генерал-губернатор края К. П. фон Кауфман. Очень подробно и объективно об этом пишет в своей аналитической статье один из ветеранов учебного дела в Туркестане Н. П. Остроумов [1900], посвященной проблеме образования местных народов. Автор отмечает, будучи осведомлен ненадлежащим образом о современном положении мусульманских учебных заведений — медресе и мактабов, фон Кауфман считал, что они себя уже исчерпали. «Во внутреннюю силу мусульманства покойный генерал-губернатор не верил, отчасти под влиянием господствовавшего тогда представления о Турции как о больном организме, и считал вообще мусульманскую культуру отжившею свой век и неспособною к пробуждению и дальнейшему прогрессу». К. П. фон Кауфман как российский администратор верил только в европейское образование. В Туркестанском крае Генерал-губернатор «намерен был держаться обрусительной политики при посредстве русской школы» [Остроумов, 1910. С. 139-140]. Начальник края знал, что в Туркестане существуют кочевые племена казахов, которые хотя и были близки к сартам и татарам, но влияние на них ислама, по его мнению, было минимально, «поэтому он решил сосредоточить все свое просвещенное внимание на устройстве в Туркестанском крае русских школ именно для детей киргизов и рассчитывал, что дети киргизов в русских школах обрусееют и примкнут к русской гражданственности, после чего узкое одностороннее мусульманство не будет уже в состоянии оказывать на них своего влияния, не соответствующего идеям и принципам европейской цивилизации» [Остроумов, 1910. С. 140].

Этот взгляд на мусульманство и на казахов сформировался у фон Кауфмана под влиянием авторитетного профессора истории Востока В. В. Григорьева и руководителя миссионерской Казанской школы Н. И. Ильминского. Жизнь показала глубокую ошибочность этих взглядов. Однако именно эта политика фон Кауфмана в отношении ислама и исламских учебных заведений продолжалась до 1917 года и получила название «политика игнорирования». «В Министерстве народного просвещения Российской империи к тому времени (1876 г. — Ш. М.) так же не было определенных и устойчивых взглядов на образование инородцев» [Остроумов, 1910. С. 140-141]-

Российская администрация при фон Кауфмане начинает открывать русско-туземные школы, в первую очередь для казахских детей, на которые государство тратит 23 000 руб. в год. Однако дети местных национальностей «посещали их весьма неохотно и крайне неаккуратно, и многие еще не получив знаний переставали учиться когда хотели» [Остроумов, 1910. С. 144]- Главная причина такого нерадивого отношения к русско-туземным школам заключалась в том, что в них из-за нехватки кадров не обучали местным языкам, не преподавали каноны шариата. Большой проблемой для детей кочевников являлось также отсутствие языковой среды и, особенно в зимнее время, дальность расстояний. [Пален, 1910. С. 105].

Таким образом, сделав небольшой экскурс в прошлое, вернемся в 1913 год, когда по заданию Генерал-губернатора старший чиновник по особым поручениям А. Миллер выезжает в степь для изучения сложившейся обстановки с приездом татарских учителей. В своем сообщении он пишет, что молодые татары — ученики Уфимского медресе «Галлия» в Джулекский участок Перовского уезда начали приезжать с лета 1911 года. Во время пребывания джулекских казахов на летовках в местности по реке Сара-Су и в горах Каратау «приезжие учителя открывают там школы в юртах» [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 3]. Преподавание ведется по звуковому методу с помощью изданных в Казани татарских учебников. Дети обучаются письму и грамоте, арифметике, истории, географии, а также арабскому языку и чтению Корана, преподают основы шариата на татарском языке. Такие учителя нанимаются более состоятельными казаками одним или несколькими в складчину. «Кроме платы за обучение, в среднем около 100 рублей в лето, они получают еще с родителей учеников масло, бараньи шкуры и зякет — известный процент со скота, который перед отъездом распродают» [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 3 об.]. Каждое лето приезжает более 40 учителей. Приезжие учителя, по словам заведующего Джулекским русско-туземным училищем Есенова, внушают казахам, что русско-туземные школы излишни, так как русскому языку можно научиться и у них с помощью татарских учебников-самоучителей, а прочие предметы могут преподаваться на тюркском языке. «Кроме того они привозят и распродают среди казахов изданные на казахском языке «вредного направления» брошюры, отпечатанные в уфимских и казанских типографиях, например, брошюры «Уян казак» — Проснись киргиз, «Тур казак» — Вставай киргиз и сборник басен «Маса» — Комар [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 3 об.]. В них отмечается нынешнее тяжелое, несправное положение казахов, живших будто бы гораздо лучше и привольнее при ханах. Затрагивается аграрный вопрос с указанием на уменьшение площади земель, находящихся в пользовании казахов. Обращается также внимание на трудности положения при выборе должностных лиц волостного управления, так как присутствующий чин полиции, в виду незнания местного языка, недоступен для казахов, а «переводчику надо давать взятки» [ЦГА, ф. И-1, оп. 27,

д. 148, л. з об., 4]. Содержание сборника басен такого же тенденциозного, антиправительственного направления, в одной из них выражается неудовольствие по поводу отсутствия в Государственной думе депутата от казахского населения [ЦГА, ф. И-і, оп. ij, д. 148, л. 4]-

По мнению Есенова, востребованность учителей-татар объясняется как объективными факторами — недостатком русско-туземных школ — так и возможно личным стремлением студентов Уфимского медресе заработать за время летних каникул [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 4]- В сообщении А. Миллера приводятся факты усиления исламского фактора в городах Семиреченской области. Как сообщает учитель инспектор 3-классного Казалинского городского училища Статский советник Подгорный, число туземных школ в Казалинке за последнее время увеличилось. При всех городских мечетях, а также в некоторых частных домах татар и сартов открыты школы [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 5]. В русских школах города татарских и сартовских детей почти нет, наблюдаются лишь единичные случаи. Вообще татары относятся отрицательно к поступлению их детей в русские школы, причем это влияние разными путями распространяется и на степь [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 5]-

В тот же период (1913¹ - ~ Ш. М.) Туркестанское районное охранное отделение проводит свое собственное секретное расследование по факту деятельности татар в казахской степи. В письме Туркестанскому Генерал-губернатору сообщается много интересных фактов по расследуемой проблеме. Обучение казахов и сартовского населения приезжими по новому методу ведется татарами-учителями почти совершенно свободно во всем Туркестанском крае. В Перовском и Казалинском уездах Сырдарьинской области почти нет такого аула, в котором бы не было приезжего учителя-татарина [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 28]. Успех татарских учителей можно приписать и следующему обстоятельству: местное население, безусловно, признало преимущество нового метода. Школьники быстро овладевали грамотой и легче усваивали предметы. Отдавать же детей в русско-туземные школы казахи боялись, так как муллы предостерегали население, что «дети их в русско-туземных школах могут заразиться духом христианской религии, и в последствии даже перейти в христианство» [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 28 об.]. Недоверчивое отношение отчасти распространяется и на татар, приезжающих в европейской одежде, а потому после прохождения начального курса обучения по новому методу, казахи отдают детей для укрепления в религиозных обрядах в старометодные мактабы [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 28, об.]. В местности с казахским населением учителя съезжаются ежегодно к 5 марта. От 5 до 10 марта идет распределение учителей по казахским семействам, затем казахи уходят на «летовки» по реке Сары-Су, в горы Каратау и Акмолинскую область. Наем учителей происходит следующим образом. Все требования от населения на учителей идут при посредстве волостных управителей и сельских старшин к местным ишанам (ишан-духовное лицо, священник — Ш. М.). К ним же направляются приехавшие учителя. В зависимости от требований ишан распределяет учителей между желающими [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 29]. В Казалинском уезде этим руководит известный «Ишан» Ходжам-Берды-Ахун, который имеет в городе Казалинке и по аулам несколько своих мечетей. В Перовском уезде рекомендацией учителей занимается Ахмет-Ишан-Уразаев, житель местности Тугулум, Тургайской области и уезда, известный среди местного населения как святой человек, пророк и «чудотворец». В качестве учителей приезжают большей частью преподаватели и ученики старших классов медресе «Галлия», «Османия» (в гор. Уфе), «Хусеиния» (в гор. Оренбурге)

и «Мухамедия» в (гор. Казани), последние в основном из числа местных жителей [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 29, об.].

Подводя итоги, охранное ведомство отмечает: «...в Константинополе, Бейруте, Медине и больших городах Турции постоянно обучаются по несколько десятков русских мусульман, которые возвращаются в Россию в качестве учителей в вышеназванные и другие медресе, где и воспитывают учащихся, преследуя узко-националистические цели, в духе панисламизма» [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 29 об.]. Таким образом, делается вывод в отчете, приезжающие в качестве учителей воспитатели, проникнутые панисламистскими идеями, являются распространителями таковых среди местного населения и воспитывают их детей не в интересах русской государственности [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 30].

В отчете о расследовании говорится и об обратной связи казахской степи и вышеуказанных медресе. По сообщению начальника Уфимского жандармского управления, в медресе «Галлия» имеется немало выходцев из Туркестанского края, а именно из Сырдарьинской и Семиреченской областей, ряда уездов, в том числе Перовского, Казалинского, Акмолинского, Лепсинского, Копальского и других [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 30 об.]. По сообщению начальника Казанского Губернского Жандармского управления, в летнее время ученики — казахи Казанских медресе также выезжают в казахские степи «для обучения детей грамоте, чем они зарабатывают себе на пропитание» [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 31].

Таким образом, в завершение обсуждаемой темы необходимо сделать некоторые выводы. После завоевания Российской империей Средней Азии кочевые народы, населяющие этот регион, становятся главным объектом в русификаторской политике царской администрации как менее подверженные исламскому влиянию. Деятельность православных миссионеров в казахской степи в основном не имела успеха. Эксперименты, предпринятые в области просвещения казахов фон Кауфманом и в дальнейшем другими генерал-губернаторами Туркестанского края, не дали желаемых результатов. Русско-туземные школы не пользовались успехом среди простого народа, прежде всего казахи боялись христианского влияния.

В начале XX века происходит бурный рост популярности ислама во всем мире, что отражается и на казахской степи. Активизируется просветительская деятельность татарских учителей среди кочевников Туркестана. Большую роль здесь сыграло то, что исламские традиции были близки кочевникам. Главное, это использование нового метода обучения «усули — джадид», по методике крымско-татарского просветителя И. Гаспринского, примененный учителями-татарами, который оказался очень эффективным и пользовался успехом среди казахов. Царская администрация в колониях, в частности уездное начальство, фактически была далека от стремлений и нужд населения, чиновники не были знакомы с мусульманской религией, не владели местным языком и не стремились его изучать. При опросе уездных начальников А. Миллером выяснилось, что они не имеют никакой информации относительно деятельности татар-учителей. Аналогичный отрицательный ответ последовал и при опросе 16 волостных старшин Казалинского уезда [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 5 об.], хотя представители местной администрации сами являлись инициаторами приезда последних в казахскую степь. Налицо факт, когда процессы, происходившие в казахской степи, регулировались казахской кочевой элитой и тщательно скрывались от российской колониальной администрации. Именно этим можно объяснить мощное выступление кочевников в 1916 году, формальным поводом к которому явился призыв на ты-

ловые работы. Проблемы кочевой степи, долгое время игнорировавшиеся царской администрацией, в том числе необдуманная переселенческая и политика двойных стандартов в отношении русских переселенцев и местных кочевников, постепенно готовили последних к выступлению против российской власти.

Именно исламизация казахской степи в начале XX века сыграла решающую роль в процессе осознания национальной самоидентичности казахского народа, определив тем самым его развитие в будущем.

Литература

Записки миссионера Буконского стана Киргизской степи. За 1892-1899 годы. Санкт-Петербург, 1900.

Остроумов Н. П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае. Кауфманский сборник. Москва, 1910.

Пален К. К. Правовой быт туземного населения. Санкт-Петербург, 1910.

Пален К. К. Уездное правление. Санкт-Петербург, 1910.

Пален К. К. Учебное дело. Санкт-Петербург, 1910.